

М. В. Лоскутова, Д. Н. Копелев

Государственная власть и тематическая картография России 1840-х годов*

1830–1840-е гг. были ознаменованы эпохальными изменениями. Промышленная революция, становление фабричного производства современного типа, переворот в финансово-кредитной сфере, модернизация транспорта, диверсификация экономики и возникновение новой логистики мирового товарооборота кардинально изменили «образ мира». Одновременно менялись и его интеллектуальные основы, коснувшиеся способов описания социальной реальности и технологий управления. Это модернизировало правила игры и привлекло внимание политиков, чиновников и ученых к пересмотру представлений о статистике, вызвав волну научных исследований и породив новаторскую систему описания пространства — тематические карты.

Данные тенденции не обошли стороной Российскую империю. Уже в 1841 г. были опубликованы две геологические карты европейской части России — карта Г. П. Гельмерсена и менее известная карта А. К. Мейендорфа. В следующем, 1842 г., вышла «Карта промышленности Европейской России», и, вслед за ней, — «Этнографический атлас Европейской России» П. И. Кёппена (1848) и его же «Этнографическая карта Европейской России» (1851) и «Хозяйственно-статистический атлас Европейской России» (1851). Их, разумеется, анализировали специалисты¹, но до сих пор не исследовали в фокусе общих тенденций, связанных с изменением имперского визуального образа. В этой статье мы хо-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00335.

тим восполнить этот пробел и на примере картографических материалов, отразивших пространственное размещение природных ресурсов и экономическую деятельность, реконструировать динамику процессов их создания, оставив, впрочем, в стороне собственно геологические и этнографические карты.

«Карта промышленности Европейской России» была опубликована Министерством финансов без указания имени ее создателя. В брошюре П. Крюкова 1853 г., сопровождавшей публикацию второй ее редакции, утверждалось, что составителем был некто Зиновьев, работавший под руководством барона Мейендорфа². Никакой другой информации об авторстве карты и об обстоятельствах ее появления до настоящего времени известно не было. Однако архивные документы позволяют восполнить этот пробел и связать составление первой экономической карты Российской империи со значимым научным предприятием, осуществляемым в те же годы Министерством финансов, — приглашением в Россию британского геолога Р. И. Мурчисона. Медиатором двух этих научных предприятий оказался представитель российского Министерства финансов в Париже А. К. Мейендорф.

Выходец из аристократической семьи с корнями в Лифляндской губернии Александр Казимирович Мейендорф начинал строить военную карьеру в царствование Александра I, однако быстро вышел в отставку. Вернулся он на службу только после восшествия на престол Николая I, но пошел по гражданскому поприщу и, поступив в Министерство финансов, сразу же получил назначение в Париж. В служебной и личной переписке с министром финансов Е. Ф. Канкриным и ключевыми фигурами министерства он постоянно делился соображениями о развитии промышленности в европейских странах, сообщал о технических усовершенствованиях и научных открытиях. Именно Мейендорф и оказался посредником между именитыми европейскими геологами Э. де Вернейлем и Р. И. Мурчисоном, желавшими совершить геологическую экспедицию в Россию, и российским Министерством финансов, заинтересованным в том, чтобы оценить перспективы месторождений каменного угля на Урале.

Как нам удалось установить, Мейендорф размышлял о планах путешествия по европейской части России, изучении состояния промышленности и контактах с предпринимательскими кругами еще до своего знакомства с британским геологом в Париже в конце февраля 1840 г. В декабре же 1839 г. он уже обратился с просьбой к Канкрину поддержать свои замыслы³. Некоторый опыт подобного рода у него был: в 1835 г. Мейендорф совершил путешествие для знакомства с развитием промышленности в Центральной России⁴. Теперь же, обосновывая свое предложение о поездке по стране, он акцентировал внимание на установлении контактов с предпринимателями и ознакомлении их с техническими новшествами. Таким образом, исходный замысел его путешествия сводился не столько к сбору сведений о состоянии экономики России, сколько, напротив, к распространению информации о заграничных технических достижениях в среде российских предпринимателей. Готовя план, Мейендорф

упомянул осторожно и о составлении карт промышленности России, подчеркивая важность такого дела, но лишь единожды и не акцентируя на этом внимание — задуманное им путешествие замышлялось явно не для составления экономической карты⁵.

Руководство Министерства финансов не возражало против плана Мейендорфа, хотя сам Канкрин скептически отнесся к перспективам убедить российских промышленников перенимать новейшие технологии. Показательно, что уже через несколько месяцев после первого обращения Мейендорфа его поездка стала восприниматься в Министерстве финансов как составная часть экспедиции Р. И. Мурчисона, Э. де Вернейля и приглашенного Мейендорфом брауншвейгского профессора И. Г. Блазиуса. Сопровождать иностранных геологов был назначен представитель Горного корпуса Н. И. Кокшаров⁶. К Мейендорфу же по просьбе последнего от Министерства финансов был прикомандирован недавний выпускник Петербургского университета П. В. Зиновьев, зачисленный на службу в Петербургскую казенную палату незадолго до начала экспедиции⁷. К экспедиции присоединился и известный российский натуралист (и будущий зять Канкрина) граф А. Кейзерлинг⁸.

Мейендорф прибыл в Петербург из Парижа в мае 1840 г. и в начале лета встретился с участниками экспедиции. Из российской столицы все они, по видимому, выехали совместно, однако в Вытегре их пути разошлись: Мурчисон, де Вернейль, Блазиус, Кейзерлинг и Кокшаров направились в Архангельск, а Мейендорф и Зиновьев проследовали прямо в Великий Устюг⁹. Там две группы исследователей встретились снова. Далее пути обеих партий — геологической и Мейендорфа с Зиновьевым — много раз расходились и пересекались, но в целом путь всех участников пролегал через Вологду, Ярославль, Кострому, Нижний Новгород и Москву. В Москве полевой сезон для Мурчисона и остальных геологов закончился; маршрут же экспедиции Мейендорфа и Зиновьева реконструируется с трудом. Александр Казимирович, несомненно, побывал в Витебске и Киеве, но, судя по всему, так и не добрался до Казани, Астрахани, Ростова и Одессы, которые изначально он планировал посетить¹⁰. В декабре 1840 г. Мейендорф вернулся в Петербург, а в марте 1841 направился обратно в Париж¹¹. Таким образом, вторая экспедиция Р. Мурчисона и Э. де Вернейля в Россию, во время которой они побывали на Урале и в Донском бассейне, состоялась уже без участия Мейендорфа.

Пытаясь реконструировать планы и маршрут Мейендорфа, нельзя не заметить, что первоначально он намеревался осмотреть практически всю территорию европейской части Российской империи (без Финляндии, Царства Польского и Кавказа), однако в дальнейшем явно подстроился под интересы исследователей-геологов. Любопытно, что после завершения экспедиции Мурчисона и де Вернейля его активность резко упала. Вероятно, в ходе путешествия Мейендорф и Зиновьев смогли собрать интересующую их информацию лишь о некоторых регионах Российской империи, сосредоточенных преиму-

шественно на севере и в историческом центре страны, а не о всей европейской части империи, которая потом оказалась представлена на карте.

Сама же задача составления карты промышленности, бегло упомянутая на фазе планирования, совершенно выпала и из донесений Александра Казимировича, написанных в ходе поездки, и из его отчетов по возвращении в российскую столицу. Тем не менее в 1841 г. в Берлине Мейендорф опубликовал статью о геологии европейской части России, приложив к ней геологическую карту страны¹², что можно трактовать как свидетельство в пользу его участия в составлении промышленной карты. Павел Зиновьев еще несколько лет после окончания поездки служил в Министерстве финансов чиновником по особым поручениям¹³ и, стало быть, ему вполне могли поручить по службе работу над картой 1842 г.

Имеющиеся свидетельства так и не позволяют понять, в какой момент и каким образом у Мейендорфа, Зиновьева или у кого-то еще в Министерстве финансов могла утвердиться мысль о необходимости наложения имеющихся сведений о состоянии промышленности европейской части страны на карту — мысль, лишь бегло высказанная Александром Казимировичем на первоначальном этапе подготовки экспедиции. Идея эта, между тем, вполне соответствовала интеллектуальным веяниям тогдашней Западной Европы. Во всяком случае именно тогда, во франкофонной части Европы, в только что получившей независимость Бельгии, и несколько позже и в самой Франции, появляются первые карты, отображающие не только топографию и административные деления, но и экономическую сферу. Мейендорф вполне мог быть в курсе этих картографических проектов еще на стадии их подготовки — множество дел различных архивных фондов Министерства финансов Российской империи свидетельствуют о его внимании к самым разным европейским научным предприятиям и стремлении использовать полученные им сведения в России.

На следующий год после выхода «Карты промышленности Европейской России», в 1843 г., уже другое ведомство — Министерство государственных имуществ (далее — МГИ) — озаботилось подготовкой собственного атласа. К истории работы над этим изданием мы обращались ранее¹⁴. В начальный период работы над атласом особую роль сыграли А. П. Заблоцкий-Десятовский, возглавлявший в 1838–1842 гг. статистическое отделение МГИ и ставший главным редактором журнала этого ведомства, а также академик П. И. Кёппен, входивший с начала 1840-х гг. в Ученый комитет МГИ. При разработке общего замысла атласа сотрудники МГИ ориентировались на известные им образцы, в первую очередь на знаменитый «Физический атлас» Генриха Бергхауза, вышедший в свет в первом издании в Готе в 1838 г.¹⁵

Работа над «Хозяйственно-статистическим атласом» растянулась на долгие девять лет, что можно объяснить и чрезмерной амбициозностью замысла, и загруженностью сотрудников статистического комитета и Ученого комитета МГИ. Кроме того, в процессе подготовки быстро выявилась их зависимость

от первичных данных, получаемых от местных наблюдателей. МГИ пришлось заниматься организацией метеорологических наблюдений в подведомственных учебных заведениях и в ботанических садах — заказывать инструменты, публиковать инструкции и разъяснять смысл задачи, добываясь стандартизации получаемых результатов. Работа оживилась во второй половине 1840-х гг., когда руководство ею перешло к К. С. Веселовскому, занимавшему должность делопроизводителя Ученого комитета, а затем, с конца декабря 1846 г., возглавившему статистическое отделение МГИ. В итоге первое издание 1851 г. включило в себя не четыре, как предполагалось изначально, а целых пятнадцать карт, отражавших не только природно-климатические условия сельского хозяйства (как это было задумано в 1843 г.), но и статистику урожайности зерновых и цен на хлеб, пространственное размещение производства льна и пеньки, табачной и свеклосахарной промышленности, различных отраслей животноводства, а также подведомственных МГИ учебных заведений и выставок сельского хозяйства¹⁶.

Большая часть из сохранившихся материалов, относящихся к составлению «Хозяйственно-статистического атласа», связана с климатической и почвенной картами, в то время как в фондах МГИ не удалось найти никаких документальных данных, позволяющих понять, как именно протекала работа над остальными — лесной картой, проектировавшейся с самого начала, и еще двенадцатью картами, о которых ничего не говорилось не только в 1843, но и даже в 1848 г. Лесная карта, составленная, по-видимому, служащим Лесного департамента МГИ Е. А. Петерсоном, демонстрировала соотношение площади всех лесов к общему пространству губернии. Подобную информацию Лесной департамент деятельно собирал с самого момента своего воссоздания в структуре МГИ в 1843 г. и больших сложностей с подготовкой этой карты у него не должно было возникнуть. Гораздо интереснее понять, каким образом в издании 1851 г. появились еще двенадцать карт. В литературе высказывалось предположение, что их составителем выступил Н. А. Милютин, служивший в Хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел (далее — МВД)¹⁷. Действительно, в личном фонде Милютиных в РГИА сохранились дела со статистическими материалами и картами, подготовленными им, как принято считать, во второй половине 1840-х гг.¹⁸ Сравнение их с «Хозяйственно-статистическим атласом» МГИ подтверждает данную версию, и передача материалов Милютиным Веселовскому поэтому не выглядит невероятной, тем более что Веселовский, по собственному его признанию, познакомился с братьями Милютиными в самом начале 1840-х гг. и даже в 1842–1843 гг. ненадолго переходил из МГИ на службу в Хозяйственный департамент МВД под начало Николая Милютина¹⁹.

Поразительно, как на таком коротком отрезке времени — в 1842–1843 гг. — сошлось множество событий, связанных с изданием тематических карт и другими масштабными проектами по сбору статистических данных относительно природных богатств, народонаселения и его хозяйственных занятий. В эти же

годы выходит «Карта промышленности Европейской России» Мейендорфа — Зиновьева, начинается работа над «Хозяйственно-статистическим атласом» МГИ. В октябре 1843 г. на квартире П. И. Кёппена начинаются «посиделки статистиков», которые станут одним из тех «кружков ученых», из которых три года спустя возникнет Русское географическое общество²⁰. Наконец, в том же октябре 1843 г. в Министерстве внутренних дел, помимо давно существовавшего статистического отделения, был сформирован Временный статистический комитет для составления программы отечественной статистики и инструкций по сбору данных. Появление его стало реакцией ведомства на болезненную проблему, с которой столкнулось МГИ — слабый уровень профессиональной подготовки местных чиновников-наблюдателей и их невысокая исполнительская дисциплина. Отчаявшись получить качественные сведения с мест, в МВД пришли к выводу о необходимости командировать в провинцию подготовленных исследователей. Для разработки программ таких статистических экспедиций и был создан Временный статистический комитет. Его делопроизводителем стал все тот же Николай Милотин²¹. Возможно, что данные, собранные этим комитетом, также послужили основой карт из его собрания.

Самый важный вопрос для понимания причин активизации деятельности правительственных институтов в области тематической картографии — понять их побудительные мотивы и цели. К сожалению, здесь остается много неясного. Ни в одном из ведомственных делопроизводственных документов, ни в личных архивных фондах П. И. Кёппена и семьи Милотиных мы не обнаружили прямых указаний на причины, по которым руководство того или иного министерства принимало решение о составлении карт. В случае с картой промышленности Министерства финансов понятно лишь, что решение принималось уже после завершения экспедиции Мейендорфа и в принципе могло стать следствием личной инициативы того же Александра Казимировича или его помощника Павла Зиновьева. В случае с «Хозяйственно-статистическим атласом» оно, наоборот, исходило от самого министра — графа П. Д. Киселева, но его мотивы не получили отражения в источниках. Судя по хронологии событий, желание сделать собственный атлас в МГИ могло быть продиктовано и ведомственной конкуренцией как с министерством Канкринна, так и с МВД под руководством Л. А. Перовского.

Представляется, однако, что мотивы и цели ведомственных проектов по картированию экономической жизни могли проистекать из стремления высшего и среднего звена государственного управления империи продемонстрировать собственные заслуги в познании России, равно как и способность их ведомств эффективно управлять природными и человеческими ресурсами империи. Составляемые экономические карты делали видимыми, а значит — подотчетными и контролируемыми — все «области возделывания» хозяйства: открытые грунты арбузов, дынь и винограда, места добычи антрацита и алебастра, учебные фермы и скотопригонные тракты. Более того, картирование подобных

объектов соответствовало наисовременнейшим рекомендациям европейской науки — метеорологии, ботанической географии, статистики, что вполне укладывалось в общую логику модернизаторской деятельности государственного аппарата Российской империи во второй четверти XIX в., — резкому расширению спектра задач и рационализации и деперсонализации методов управления. Не случайно поэтому МГИ уже в 1852 г. изыскивало все возможные варианты, чтобы перевести «Хозяйственно-статистический атлас» на французский язык и издать за границей — в Великобритании, Франции или Германии, продемонстрировав Европе свои успехи на пути прогресса²².

Важно также подчеркнуть, что все новейшие карты должны были «радовать глаз» не только вышестоящего начальства и читателей-иностранцев. Они задумывались и для широких слоев образованной публики в самой России, что, в сущности, ставило их в один ряд с такими проектами, как публикация ведомственных журналов или «Губернских ведомостей» в провинции, начавшаяся в 1830-е гг. При этом с технической точки зрения это была сложная и дорогая затея. Карты изготавливались методом литографии: изображение сначала наносилось специальным карандашом или кистью на поверхность литографического камня, с которого потом получали оттиск на бумаге. Техника возникла на рубеже XVIII–XIX вв. и первоначально предполагала только черно-белое изображение. Хромолитография, изобретенная в 1830-х гг., пробивала дорогу в картографии медленно и до ее внедрения цвета на карту наносились вручную. Все упоминаемые нами карты изготавливались еще без применения хромолитографии, но информации о технологии их изготовления фактически не сохранилось. Невозможно также и точно установить тираж изданий. В сопоставлении с другими ведомственными публикациями второй четверти XIX в., можно предположить, что они издавались тиражами от 100 до 500 экземпляров. Часть тиража первого издания «Хозяйственно-статистического атласа», например, поступила в свободную продажу и очень быстро разошлась, так что уже в следующем, 1852 г. МГИ приступило к подготовке второго издания. О его выходе читающая публика могла узнать из объявлений в «Земледельческой газете» (издание МГИ), в правительственных «Санкт-Петербургских ведомостях» и в «Северной пчеле» Ф. Булгарина. Рецензию на карту 1842 г. мы находим в «Отечественных записках»²³, а на «Хозяйственно-статистический атлас» МГИ — в «Московских ведомостях»²⁴.

Что же нового в визуальное восприятие пространства Российской империи вносили эти карты, издававшиеся ключевыми министерствами николаевской эпохи? Прежде всего они впервые зримо представили разнообразие природных и экономических условий страны, разбив пространство ее европейской части на несколько регионов, идущих преимущественно в широтном направлении.

Сама мысль о том, что Российская империя в климатическом отношении (а под климатом тогда понималась вся совокупность природных условий) состоит из трех полос, впервые была, по-видимому, сформулирована немецким

географом Антоном-Фридрихом Бюшингом в XVIII в.²⁵ К началу 1830-х гг. она успела стать общим местом и в русской литературе. Однако уже на «Карте промышленности Европейской России» появилось более сложное деление, идущее также в основном в широтном направлении: «лесная страна», «промышленная страна», «черноземная земледельческая страна» и «черноземная пастбищная страна». «Лесная страна», впрочем, охватывала не только северные губернии от Курляндии до востока Вологодской, но и спускалась на западе к югу, включая в себя белорусские губернии. «Промышленная страна» включала в себя как губернии вокруг Москвы, так и Урал, не очень внятно показывая статус лежащих между этими двумя пространствами губерний Среднего Поволжья. Наконец, южные губернии на этой карте, описываемые как «черноземные», делились в меридиональном направлении на две группы по типу сельского хозяйства — земледельческого или скотоводческого. В то же время на климатической карте из «Хозяйственно-статистического атласа» помимо хорошо известных трех полос вводились новые элементы — «полоса вовсе не имеющая земледелия» на крайнем севере и «полоса правильного многопольного хозяйства», в которую попали прямо не названные, но хорошо опознаваемые по их очертаниям остзейские губернии: составители атласа не посчитали возможным причислить их к остальным губерниям средней полосы, охарактеризованной как «полоса правильного трехпольного хозяйства». Самый центр страны отчетливо выделялся как особое пространство, отличное и по своей высокой численности населения, и по высокой степени экономической активности. При этом карты показательно игнорировали сложившиеся административные деления или даже указывали на их несовершенство (так, например, Тверская губерния на «Карте промышленности Европейской России» оказалась поделена между «лесной» и «промышленной страной»). Более того, подчеркивая единство природных условий и хозяйства, все эти карты так или иначе работали на отрицание принципиальных различий между западными окраинами империи, присоединенными по итогам разделов Речи Посполитой, и остальной территорией России.

Отмечая появление на картах «страны мануфактурной промышленности», советские исследователи 1950-х гг. делали акцент на фиксации географами и статистиками XIX в. начала промышленного переворота и бурного развития текстильной промышленности в Подмосковье и Верхнем Поволжье²⁶. Это замечание представляется нам нуждающимся в серьезном уточнении. Безусловно, интерес к хозяйственной жизни страны, стремление изучить, описать и нанести на карту многообразные проявления экономической активности диктовались со стороны правительственных структур растущим осознанием того, что Европа, а вместе с ней и остальной мир вступили в совершенно новую эпоху с новыми носителями энергии, новыми средствами коммуникации и новыми способами организации производства. Обращение к изучению внутреннего пространства собственной страны — хорошо известного на уровне топографии,

но совершенно «непрозрачного» для правительства с точки зрения деловой активности и природных ресурсов — было поэтому закономерным. Однако происходящие экономические трансформации сами по себе не детерминировали ни действия правительственного аппарата, ни исследовательские программы и выводы привлеченных к ученым изысканиям лиц. Важно понять, каким образом и в каких именно административных структурах возникала потребность изучить и осмыслить происходящие перемены, какие именно явления и почему становились предметом пристального изучения, а какие, наоборот, выпадали из поля зрения статистика и картографа.

В отличие от предшествующих эпох, создаваемые теперь тематические карты не стремились продемонстрировать внушительные размеры империи или заполнить «белые пятна» на далеких окраинах мира. Вместо этого новые карты должны были представить скрытые ранее от поверхностного наблюдателя силы — природные богатства страны и ее многочисленное народонаселение, разнообразную хозяйственную деятельность. При этом особое значение приобретали центральные губернии вокруг Москвы, постулировался совершенно особый уклад жизни как лесного Севера, так и южных степных губерний, в то время как исторические особенности земель бывшей Речи Посполитой, напротив, исчезали из поля зрения.

Совершенно очевидно, что появление подобных карт оказалось тесно связано с двумя глобальными трендами той эпохи — разворачивающейся промышленной революцией и реформатированием европейской политики под влиянием идеи национального государства. Недостаточно, однако, лишь констатировать эту связь и ограничиться простым перечислением программ и проектов географического и статистического описания и картирования России второй четверти XIX в. Гораздо важнее выявить центральные узлы, своего рода правительственные «лаборатории», в которых задумывались и реализовывались грандиозные проекты новой тематической картографии, установить, какие круги в правительственных элитах выступали инициаторами, какой была их мотивация, на что делалась основная ставка, и, наконец, какими средствами новые идеи проникали в общество и завоевывали авторитет. Наше исследование — лишь первый шаг в этом направлении.

¹ Об этнографической карте П. И. Кёпшена см.: *Красникова О. А.* Этнографический атлас П. И. Кёпшена // Петербургские чтения 98–99. СПб., 1999. С. 405–407; *Петронис В.* *Pinge, divide et impera: взаимовлияние этнической картографии и национальной политики в поздней имперской России (вторая половина XIX в.)* // *Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*. М., 2010. С. 308–329; *Гибсон К.* Проблема создания этнографического атласа России в переписке Петра Кёпшена с Академией наук // *Quaestio Rossicae*. 2021. Т. 9, № 3. С. 977–994; о геологических картах см.:

- Тихомиров В. В.* О региональных исследованиях русских геологов в середине XIX в. // Очерки по истории геологических знаний. М., 1955. Т. 3. С. 3–44; *Гущин А. И., Брянцева Г. В., Скрипко К. А., Семенова Л. Д., Филаретова А. Н.* Первые геологические карты в Европе и России: выставка в музее землеведения МГУ // Жизнь земли. 2019. Т. 41, № 3. С. 303–314.
- ² *Крюков П.* Очерк мануфактурно-промышленных сил Европейской России, служащий текстом промышленной карты. СПб., 1853. Эти же фамилии называются и в: *Свенске К.* Обзорение главнейших путешествий и географических открытий с 1838 по 1848 г. // Вестник Императорского Русского географического общества. 1851. Ч. 1, кн. 1. Отд. III. С. 15–16.
- ³ РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 997. Л. 1 – 16 об.
- ⁴ Там же. Л. 17.
- ⁵ Там же. Л. 8.
- ⁶ О двух экспедициях Р. И. Мурчисона в Россию см.: *Кокшаров Н. И.* Воспоминания Николая Ивановича Кокшарова // Русская старина. 1890. Т. 66. С. 1–23; *Цинкобурова М. Г.* Новые сведения об экспедиции Р. Мурчисона в Россию // Известия Русского географического общества. 2022. Т. 154, № 3. С. 86–95.
- ⁷ РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 997. Л. 65, 75 – 75 об., 145 – 145 об., 150.
- ⁸ Об Александре Кейзерлинге, его знакомстве с Мурчисоном и об А. Мейендорфе см.: *Tammiksaar E.* Einige Bemerkungen zu Alexander Graf Keyserlings naturwissenschaftlichen Expeditionen und zu seinem wissenschaftlichen Umfeld // Baltisches Welterlebnis. Die kulturgeschichtliche Bedeutung von Alexander, Eduard und Hermann Graf Keyserling. Beiträge eines internationalen Symposions in Tartu von 19. bis 21. September 2003 / Hrsg. von M. Schwidtal, J. Undusk, L. Lukas. Heidelberg, 2007. S. 61–70.
- ⁹ Маршрут экспедиции Мурчисона и де Вернейля описан самими участниками в: *Murchison R. I., Verneuil E., Keyserling A.* The Geology of Russia in Europe. Vol. 1. London: John Murray, 1845. P. vii–ix. Маршрут Мейендорфа реконструируется на основе его доносений в Петербург в: РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 997.
- ¹⁰ О планах Мейендорфа см.: РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 997. Л. 53–53.
- ¹¹ Там же. Л. 150, 173–181.
- ¹² *Meyendorff A.* Bericht über ihre Reise im Europäischen Russland // Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland / Hrsg. A. Erman. Berlin, 1841. 1 Hf. S. 580–586. Карта на вклейке в конце тома.
- ¹³ Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1843. Ч. 1. СПб., 1843. С. 264; *Нистрем К.* Адрес-календарь Санкт-петербургских жителей, составленный по официальным документам и сведениям К. Нистремом. Т. 2. Календарь служащих чиновников. СПб., 1844. С. 338.
- ¹⁴ *Лоскутова М. В.* «Сведения о климате, почве, образе хозяйства и главенствующих растениях должны быть собраны...»: просвещенная бюрократия, гумбольдтовская наука и местное знание в Российской империи второй четверти XIX в. // Ab Imperio. 2012. № 4. С. 111–156.
- ¹⁵ *Berghaus H.* Physikalischer Atlas. Gotha: Perthes, 1838–1848.
- ¹⁶ Хозяйственно-статистический атлас Европейской России, составленный при Департаменте сельского хозяйства МГИ. СПб.: [Б. и.], 1851; Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. СПб., 1851.
- ¹⁷ *Яцунский В. К.* Неопубликованный статистический атлас Министерства внутренних дел 1850 г., составленный Н. А. Милотиным // Вопросы географии. 1950. Сб. 17. С. 219–226.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 785, 786, 787.
- ¹⁹ *Веселовский К. С.* Отголоски старой памяти: воспоминания и записки неперменного секретаря Императорской Академии наук / Сост., вступ. ст., коммент. и указ. Е. Ю. Басаргиной. СПб., 2018. С. 67–69.
- ²⁰ *Вальская Б. А.* Собрания статистиков и путешественников в Санкт-Петербурге в 40-х годах XIX в. // Известия РГО. 1992. Т. 124, вып. 2. С. 115–123.

- ²¹ РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 141; СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 175. См. также: Вальская Б. А. Об экономико-географическом изучении России статистическим отделением Министерства внутренних дел в 1835–1852 гг. // Вопросы географии. 1951. Сб. 27. С. 294–316, особенно с. 302–315; Скрыдлов А. Ю. Административная статистика в дореформенной России (1802–1852). СПб., 2022. С. 109–116.
- ²² РГИА. Ф. 398. Оп. 7. Д. 18506. Л. 36–44.
- ²³ [Анон.]. Карта промышленности Европейской России. СПб., 1843: [Рец.] // Отечественные записки. 1843. Т. 26. Отд. 6. С. 77.
- ²⁴ Вернадский И. В. Хозяйственно-статистический атлас Российской империи, изданный Департаментом сельского хозяйства Министерства государственных имуществ. СПб., 1851: [Рец.]. М., [1851].
- ²⁵ Buesching A.-F. *Erdbeschreibung. Erster Theil*. Hamburg, 1787. S. 659–660.
- ²⁶ Преображенский А. Н. Опыт составления общеэкономических карт в дореволюционной России // Вопросы географии. 1951. Сб. 27. С. 317–337. См.: с. 321–322.

References

GIBSON C. *Problema sozdaniia etnograficheskogo atlasa Rossii v perepiske Petra Keppena s Akademiei nauk* [The problem of creating an ethnographic atlas of Russia in the correspondence of Peter Köppen with the Academy of Sciences. In Russ.] // *Quaestio Rossicae*. 2021. Vol. 9, no. 3. P. 977–994.

GUSHCHIN A. I., BRIANTSEVA G. V., SKRIPKO K. A., SEMENOVA L. D., FILARETOVA A. N. *Pervye geologicheskie karty v Evrope i Rossii: vystavka v muzee zemlevedeniia MGU* [The first geological maps in Europe and Russia: Exhibition at the Museum of geosciences of Moscow State University. In Russ.] // *Zhizn' zemli*. 2019. Vol. 41, no. 3. P. 303–314.

IATSUNSKII V. K. *Neopublikovannyi statisticheskii atlas Ministerstva vnutrennikh del 1850 g., sostavlennyi N. A. Milyutinym* [Unpublished statistical atlas of the Ministry of Internal Affairs, 1850, compiled by N. A. Milyutin. In Russ.] // *Voprosy geografii*. 1950. Book 17. P. 219–226.

KRASNIKOVA O. A. *Etnograficheskii atlas P. I. Keppena* [Ethnographic atlas by P. I. Köppen. In Russ.] // *Peterburgskie chteniia* 98–99. St. Petersburg: St. Petersburg Institute of Press, 1999. P. 405–407.

LOSKUTOVA M. V. “*Svedeniia o klimate, pochve, obraze khoziaistva i glavenstviushchikh rasteniakh dolzhny byt' sobrany...*”: *prosveshchennaia biurokratiia, gumbol'dtovskaia nauka i mestnoe znanie v Rossiiskoi imperii vtoroi chetverti XIX v.* [“Information about climate, soil, type of farming and main plants must be collected...”: Enlightened bureaucracy, Humboldtian science and local knowledge in the Russian Empire in the second quarter of the 19th century. In Russ.] // *Ab Imperio*. 2012. No. 4. P. 111–156.

PETRONIS V. *Pinge, divide et impera: vzaimovliianie etnicheskoi kartografii i natsional'noi politiki v pozdneimperskoi Rossii (vtoraia polovina XIX v.)* [Pingue, Divide et Impera: The Interaction of Ethnic Cartography and National Policy in Late Imperial Russia (Second Half of the Twentieth Century). In Russ.] // *Imperium inter pares: rol' transferov v istorii Rossiiskoi imperii (1700–1917)*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. P. 308–329.

PREOBRAZHENSKII A. N. *Opyt sostavleniia obshcheekonomicheskikh kart v dorevoliutsionnoi Rossii* [Experience of compiling general economic maps in pre-revolutionary Russia. In Russ.] // *Voprosy geografii*. 1951. Book 27. P. 317–337.

SKRYDLOV A. I. U. *Administrativnaia statistika v doreformennoi Rossii (1802–1852)* [Administrative statistics in prereform Russia (1802–1852). In Russ.]. St. Petersburg: Izdatel'sko-poligraficheskaiia assotsiatsiia vysshikh uchebnykh zavedenii, 2022.

TAMMIKSAAR E. *Einige Bemerkungen zu Alexander Graf Keyserlings naturwissenschaftlichen Expeditionen und zu seinem wissenschaftlichen Umfeld* // *Baltisches Welterlebnis. Die kulturgeschichtliche Bedeutung von Alexander, Eduard und Hermann Graf Keyserling. Beiträge eines internationalen Symposions in Tartu von 19. bis 21. September 2003* / Hrsg. von M. Schwidtal, J. Undusk, L. Lukas. Heidelberg: Universitaetsverlag Winter Heidelberg, 2007. S. 61–70.

TIKHOMIROV V.V. *O regional'nykh issledovaniakh russkikh geologov v seredine XIX v.* [On regional research by Russian geologists in the mid-20th century. In Russ.] // *Ocherki po istorii geologicheskikh znaniï*. Moscow, 1955. Vol. 3. P. 3–44.

TSINKOBUROVA M.G. *Novye svedeniia ob ekspeditsii R. Murchisona v Rossiiu* [New information about R. Murchison's expedition to Russia. In Russ.] // *Izvestiia Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 2022. Vol. 154, no. 3. P. 86–95.

VAL'SKAIA B.A. *Ob ekonomiko-geograficheskoi izuchenii Rossii statisticheskim otdeleniem Ministerstva vnutrennikh del v 1835–1852 gg.* [On the economic and geographical study of Russia by the statistical department of the Ministry of Internal Affairs in 1835–1852. In Russ.] // *Voprosy geografii*. 1951. Book 27. P. 294–316.

VAL'SKAIA B.A. *Sobraniia statistikov i puteshestvennikov v Sankt-Peterburge v 40-kh godakh XIX v.* [Collections of statisticians and travelers in St. Petersburg in the 40s of the 19th century. In Russ.] // *Izvestiia RGO*. 1992. Vol. 124, iss. 2. P. 115–123.

VESELOVSKII K.S. *Otgoloski staroi pamiaty: vospominaniia i zapiski nepremennogo sekretaria Imperatorskoi Akademii nauk* [Echoes of old memory: memoirs and notes of the permanent secretary of the Imperial Academy of Sciences. In Russ.] / *Introd. and comment.* by E. Iu. Basargina. St. Petersburg: Renome, 2018.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

М. В. Лоскутова, Д. Н. Копелев. Государственная власть и тематическая картография России 1840-х годов // Петербургский исторический журнал. 2024. № 4. С. 66–78

Аннотация: Статья посвящена истории появления первых тематических карт европейской части Российской империи в 1840-е — начале 1850-х гг. Доказывается связь между «Картой промышленности Европейской России» (1842) и известной геологической экспедицией Р. И. Мурчисона, Э. де Вернейля и А. Кейзерлинга, а также подтверждается участие Н. А. Милютина в работе над «Хозяйственно-статистическим атласом Европейской России» (1851). Демонстрируется возникновение в конце 1830-х — начале 1840-х гг. в центральном аппарате ключевых министерств Российской империи интеллектуальных центров, придавших импульс многочисленным проектам статистического описания и картирования природных богатств и экономической активности населения. Прослеживаются многочисленные неформальные связи между представителями этих групп и обсуждается вопрос о том, как повлиял результат их работы на переосмысление пространства Российской империи.

Ключевые слова: Тематическая картография, Российская империя, статистика, география, визуальный образ страны.

FOR CITATION

M. V. Loskutova, D. N. Kopelev. The Russian state administration and thematic cartography in the 1840s // Petersburg historical journal, no. 4, 2024, pp. 66–78

Abstract: This paper presents an examination of the history of the early thematic maps of European Russia that appeared during the period spanning the 1840s to the early 1850s. The paper demonstrates the connection between the “Industrial Map of European Russia” (1842) and the renowned geological expedition led by R. I. Murchison, E. de Verneuil and A. Keyserling. Furthermore, it corroborates the contribution of Nikolai Miliutin to the “Economic-Statistical Atlas of European Russia” (1851). The authors highlight the emergence of a number of intellectual hubs within various Russian ministries that facilitated the advancement of statistical research and map-making initiatives. The authors examine the numerous informal connections among the officials who belonged to these intellectual centres and discuss the impact of these cartographic projects on the spatial reconceptualisation of the Russian Empire.

Key words: thematic cartography, the Russian empire, statistics, geography, visual image of the country.

Автор: Лоскутова, Марина Викторовна — к. и. н., доц. департамента истории, Национальный исследовательский университет — «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Loskutova, Marina Viktorovna — PhD in History, Associate Professor of the Department of History, The National Research University – Higher School of Economics (St. Petersburg, Russia)

E-mail: mvlosk@yandex.ru

Автор: Копелев, Дмитрий Николаевич — д. и. н., профессор Института истории и социальных наук, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Kopelev, Dmitry Nikolaevich — Dr. of Sciences in History, Professor, Institute of History and Social Sciences, A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).

E-mail: kopelll07@list.ru